

Так это было. Там и тогда

"Итак, господа обыватели, верящие, что румыны не убивали, заблуждаются — румыны убивали!"
В. Тирмос, Я. Верховский.

Они мои земляки, одесситы. И 16 октября 1941 года, когда румынские войска вошли в город, мальчику Янкале Верховскому было десять лет, а девочке Ролли (так звали тогда Валентину) — только пять. Почти все 900 дней оккупации эти дети провели в ставшей столицей Транснистрии Одессе буквально на грани гибели. И только по стечению невероятных случайностей избежали участи 40 тысяч еврейских детей, нашедших мученическую смерть в нашем городе.

Шли годы. И на фоне реальной и вполне успешной по тем меркам жизни в подсознании каждого то и дело всплывали страшные кадры из детства, от них некуда было деться. Иногда казалось, что если зафиксировать свои ощущения, записать то, что вспомнилось, это поможет избавиться от засевшего в подсознании страха...

В начале 90-х, опять-таки по стечению обстоятельств, эти двое из Одессы, чудом спасшиеся от гибели, находят друг друга в совсем другом месте жительства — в еврейской стране Израиле. И выясняется, что старый фильм ужасов, не дававший каждому спать по ночам, у них общий. И тогда главным делом для Якова и Валентины становятся книги, которые они пишут сообща. Не полагаясь на детскую память, обращаются к исторической, мемуарной литературе, архивным документам. Список использованных ими источников насчитывает сотни, если не тысячи единиц!

Мы давно знакомы, и я знаю, как они работают: если документы — только в оригинале, если копия — только снятая лично ими; свидетельства — только от первого лица. Никаких "говорящих", "рассказывающих", "мне кажется". Я видела в их доме стеллажи от пола до потолка, заполненные специальной литературой, папками с газетными вырезками, документами, письмами — все это на разных языках: русском, украинском, румынском, немецком, английском.

Воронка углублялась и расширялась, стал проявляться фон, на котором замыслилось и творилось это подлейшее действо: преследование с целью уничтожения еврейских детей, их родителей, их соплеменников в прекрасном городе Одессе, а также на огромных просторах Восточной Европы. И явно обозначилась вся механика запуска кровавой бойни, унесшей миллионы человеческих жизней. Детские воспоминания двух далеко не молодых уже людей обрели мощный, аргументированный документами и прямыми свидетельствами исторический фундамент.

Первой появилась 600-страничная, солидно изданная московским издательством "Олма-Пресс" в 2005 году книга "Сталин. Тайный сценарий начала войны". Валентина Тирмос и Яков Верховский пришли к своей версии, отличной и от "традиционной", и от "суворовской".

Они убеждены, что Сталин, этот великий лицедей, вовсе не сомневался в разведанных. Он только делал вид, что им не верит! Это был блеф, продуманный и спланированный — он хотел, чтобы Гитлер напал первым, и тогда он, Сталин — жертва агрессии, на его стороне миролюбивое человечество, он обретает мощных союзников, мощную помощь!

Так исследования фона, на котором взбухала треклятая та война, обстоятельств, при которых возможным стало уничтожение миллионов людей только за то, что они — евреи, побудили отложить на время детские воспоминания. На первый план вышла другая книга, где по дням и часам, со ссылками на документы изложены предвоенные действия на историческом театре мира. Эта первая книга вызвала серьезный интерес историков и политиков, привлекла широкий круг читателей, ее до сих пор обсуждают в Интернете, о ней спорят.

В 2009 году в Тель-Авиве у авторов выходит вторая книга: "Жизнь, поставленная на перфокарту". Занесение данных конкретных евреев на перфокарты было виртуальной селекцией, предварающей реальную. "В Германии тогда, когда готовилось "окончательное решение", были вычислительные машины?" — удивилась я. Были, оказывается. Там уже действовал один из филиалов выпускавшей эту технику американской корпорации IBM. И глава корпорации, магнат Томас Дж. Уотсон, ставший личным другом Гитлера, получил от него высочайшую награду рейха — орден Заслуг германского орла. Как известно теперь, не менее ста американских компаний сотрудничали с нацистской Германией, в их числе — "Дженерал Моторс", "Форд", "Крайслер" и пр. Однако первым получил этот орден Уотсон. Он его "заслужил" — цитирую авторов книги: "Не нужно думать, что селекция евреев началась в лагерях смерти. Нет, самая роковая селекция началась... ранней весной 1933-го. С помощью шелкающих перфораторов. Без идентификации и селекции евреев невозможно было бы их уничтожить...". Авторы книги убеждены, что Уотсон, чьи машины обслуживали Холокост, должен был занять одно из мест на скамье подсудимых в послевоенном Нюрнберге. Но нет, он благополучно прожил отпущенные ему годы, оставаясь одним из самых богатых и влиятельных граждан США.

И вот недавно в Интернете появилось сообщение генерального директора ростовского издательства "Фолио" Александра Красовицкого: "Одесса времен второй мировой. В июне в "Фолио" выходит книга Якова Верховского и Валентины Тирмос "Город Антонеску". Они были детьми во время этих страшных дней. Ей было пять лет в 1941-м, ему — десять. Почти 800 страниц рассказа об истории Одессы тех лет. Одна из жемчужин нашей программы 2017 года".

Итак, появился событийный повод для актуального интервью с авторами. Предпочтительно виртуально — для оперативности.

Белла КЕРДМАН.

Я поздравляю вас, Валя и Яша, с выходом в свет главной, как понимаю, книги из задуманной вами серии разоблачений "решателей еврейского вопроса". Среди них, как со временем становится все яснее, не только Гитлер и его команда. Когда вышла ваша первая книга "Сталин...", вы говорили, что она — первая часть трилогии. Второй была "Жизнь, поставленная на перфокарту" — небольшая по объему, но очень важная для понимания обстановки в мире, на фоне которой стал возможен Холокост: как отнеслись к "решению еврейского вопроса" Гитлером другие страны, в том числе — союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Кстати, американский юрист, не еврей, Тони Танаки подготовил сейчас иск против Велли Кобритани по обвинению в пассивном содействии нацистам в уничтожении евреев — на основании документов, которые, наконец, рассекретили. "Город Антонеску" — сам по себе, или, считаете, все три связаны между собой?

И почему вы называли так, как называли, в этой своей книге наш город, да и саму книгу?

Валентина ТИРМОС и Яков ВЕРХОВСКИЙ

— Назвали, поскольку то, что там и тогда происходило, не могло произойти в нашей Одессе. Такое могло случиться в городе, ставшем монстром, чудовищем, "городом Антонеску".

Вы спрашиваете, как эта книга стала для нас главной и связана ли она с первыми двумя — "Сталин. Тайный сценарий начала войны" и "Жизнь, поставленная на перфокарту". Связана, конечно. Но это не продолжение тех книг, она не случайно стала главной — это книга нашей жизни. Все, пережитое в детстве в "городе Антонеску", как лента старого черно-белого кино, всю нашу жизнь плыло перед глазами. Мы видели себя на этих "кадрах" маленькими, оборванными, голодными и слышали окрики убийц и лай собак. И видели лужи крови, и видели повешенных, замученных, забытых. И чувствовали тот давний леденящий душу ужас.

В какой-то момент стали записывать эти срезы детской памяти. Трудно даже сказать, зачем. Мы тогда, конечно, не думали о написании книги. Записывали просто так, не стараясь что-либо утаить или приукрасить, не боясь погрешить перед принятой "исторической правдой". В те дни, по правде сказать, и не зная, в чем она заключается.

Впоследствии, в процессе 20-летней работы в архивах, после выхода в свет двух исторических книг, мы вдруг "вернулись в детство" и вспомнили о хранящихся где-то у нас "детских записках". Мы называем их не "воспоминаниями", а "детскими рассказа-

ми", потому что это действительно рассказы детей — "здесь и сейчас": страшная действительность, увиденная детскими глазами.

Напечатанные на пишущей машинке, желтевшие от времени, те листки выглядели непривычно для наших "компьютерных" дней, но мы отнеслись к ним с любовью. Оставили, как есть, ничего не поправляя, не добавляя накопленного нами за годы взросления, свободными от всей архивной и прочей исторической "шелухи".

Вы обратили внимание, Белла, что эти рассказы часто даже опровергают очевидные факты? Но именно в этом их сила. Наивные и порой смешные рассказы "от Ролли" и "от Янкале" стали основой книги "Город Антонеску". Создавая контраст с ужасом реальных, они подчеркивают этот ужас.

Б. К.

— Я не раз слышала в Одессе, в том числе и от одной моей близкой знакомой, что румыны-де были терпимее немцев к местному населению, толерантнее. Более того, при них жизнь была ай-люли, не то что при Советах. Это говорили, разумеется, не евреи. Когда я вернулась из сибирской эвакуации в декабре 56-го года (15 лет прошло в Сибири, там окончила школу, университет, отработала три года в газете) — пришлось заново обзаводиться знакомыми и друзьями. Никого из еврейских соседей из довоенного двора по ул. Манежной, 26 я не нашла. Никого из соучеников-евреев из своей школы № 38 — тоже. И вообще вы, Валя и Яша, стали первыми моими знакомыми-одесситами, выжившими в нашем городе во время оккупации. При "толерантных" румынах. Ставили ли вы перед собой задачу развенчать этот подлый миф? Удалось ли это вам, как считаете? Возможно, у вас есть статистика: сколько евреев уничтожили в Одессе румыны?

В. Т., Я. В.

— А знаете, Белла, ваша знакомая права: румыны действительно были толерантны к местному населению. Более того, в "городе Антонеску" возник некий симбиоз оккупантов с оккупированными (исключительно теми из них, кому повезло не родиться евреями). И даже образовалась некая их совместная "новая одесская элита".

О трагедии евреев Одессы мы еще поговорим. А вот остальные действительно попали в сказку. Говорят, что море в Одессе никогда еще не было таким синим, солнце — таким ласковым, а помидоры — такими красными, как "при румынах".

Посмотрим на эту "картину маслом". Из 600 тысяч жителей Одессы около 450 тысяч каким-то образом "исчезли" — ушли на фронт, эвакуировались или же были уничто-

жены. В "городе Антонеску" остались всего 140 тысяч. И этим оставшимся досталось все: квартиры, мебель, ковры, картины, хрусталь и фамильное серебро. Золотой дождь пролился на их головы, было от чего потерять рассудок.

Особенный интерес вызывали "бесхозные" квартиры. Даже оставшиеся в городе наши врачи, гордость Одессы, не гнушались захватом квартир. Так, профессор Коровицкий переехал на Коблевскую, 29, профессор Живатов — на Ланжероновскую, 19, профессор Шевалев — на Гоголя, 19, а доцент Союра — на Коблевскую, 42. Все они, конечно, немедленно возобновили прием больных. Приватный, разумеется.

Почти одновременно в городе открылось 13 комиссионных магазинов, 34 парикмахерские и бесчисленное множество ресторанов и так называемых "бодер" — пивнушек и рюмочных. А еще — две гостиницы для поваливших из Бухареста спекулянтов и восемь заезжих дворов для потянувшихся в город крестьян с различными продуктами. А еще — театры, кинотеатры, ночные клубы и, конечно, бордели различных уровней. Всего и не перечислить. Жизнь потекла сытая и веселая, забурлила "молоком и медом".

Теперь о евреях. Нет ничего удивительно, Белла, что, вернувшись в Одессу из эвакуации, вы не встретили здесь своих довоенных соседей и соучеников. Их там уже не было. Их вообще больше не было. Нигде. В Одессе, где с самого ее основания, со времен Хосе де Рибаса и дюка де Ришелье, евреи составляли треть населения, их не стало совсем.

За первые пять месяцев оккупации палач Антонеску сумел доказать на деле, что "окончательное решение еврейского вопроса" осуществимо. Все оставшиеся в Одессе евреи, около 155 тысяч, были уничтожены — повешены, расстреляны, сожжены. Эти страшные данные исчислены и озвучены в нашей книге впервые.

После освобождения, в апреле 1944-го, Одессу посетил корреспондент ВВС Александр Верт. Английский журналист был поражен, он пишет: "...это была уже не та Одесса, какую мы знали. Это была Одесса без евреев".

Удалось ли нам развенчать подлый миф о "толерантных" румынах, будут судить читатели книги "Город Антонеску".

Б. К.

— Эта одесская "новая элита" занимала уже "бесхозные" квартиры. Но перед тем "добрые соседи" позаботились, вероятно, об освобождении вождельной "жилплощади" от ее хозяев-евреев. Сохранились ли в одесских архивах имена

доносчиков, тексты "телег", как называют доносы на новоязе? Есть ли у вас оригиналы таких документов?

И второй вопрос. Светлой памяти еврейский писатель Михаил Лев, прошедший войну, немецкий плен и побег в партизаны, однажды мне сказал: "Запомните: ни один еврей не мог выжить во времена оккупации без помощи местных "титულიной" национальности. Кто-то спрятал, рискуя своей жизнью, кто-то поделился куском хлеба, а кто-то просто показал дорогу в безопасное место". Я запомнила. А вы, Валя и Яша, помните таких праведников?

В. Т.

— Сначала ответим на ваш второй вопрос, сугубо для нас важный. Разумеется, мы всю жизнь помним тех, кто нас, еврейских детей, спасал в оккупированной Одессе! Я расскажу о Харитоновых. У моего отца Изи был друг Тимофей Харитонов, для меня, девочки Ролли, дядя Тима. Возможно, они познакомились на студенческой скамье инженерно-строительного института, а возможно, что и раньше и что друг Изи привел Тиму в институт и помогал ему во время учебы. А может, наоборот — толковый и усидчивый Тима тащил за собой легкомысленного ловеласа Изу. Вместе получили они инженерные дипломы и вместе начали свой трудовой путь. Не разошлись друзья и тогда, когда неожиданно тяжелейшая болезнь сердца (как говорили тогда, "грудная жаба"), лишила Тиму возможности нормально жить и работать. Тимофей как сел в кресло (по дому он, думаю, все же ходил), так и просидел 38 лет, до самой своей кончины. И все эти годы мой папа Иза поддерживал друга и терпеливо носил ему работу на дом.

Харитоновы, Тимофей и его жена Нина, проживали в доме на углу улиц Пушкинской и Троицкой. Из подъезда довольно крутой лестничной марш вел на застекленную веранду, а оттуда — в их небольшую, зато отдельную, без соседей квартирку. В этом доме эти люди не раз укрывали нашу семью или меня, Ролли, когда папа и мама были арестованы или скрывались в другом месте.

Сразу после войны дядя Тима отправил Эренбургу письмо — целый пакет документов, разоблачающих "толерантных" оккупантов. В нем были собраны все номера газет, выпускавших муниципалитетом в ту пору. И, цитирую дядю Тиму: "...все приказы, касающиеся несчастных евреев, и среди них приказы о том, что каждый, давший приют еврею или спрятавший его, будет расстрелян на месте вместе с этим евреем". Но ни слова не написал человек о том, что, читая такие приказы, он, тем не менее, давал приют евреям, что, не считаясь с прямой опасностью для жизни, спасал семью своего друга Изи. Мы с Яшей нашли письмо Тимофея Харитонova среди документов мемориала "Яд Вашем" (это была копия на пишущей машинке, дядя Тима свое письмо наверняка писал от руки).

Я. В.

— В борьбе за выживание были случаи, когда нашим родителям помогали русские, украинцы и, как это ни парадоксально, этнические немцы и румыны. Вместе с тем, к сожалению, это является исключением. А исключение только подтверждает правило. Известно ведь, что в уничтожении евреев принимало участие местное население оккупированных стран. Иначе не были бы уничтожены миллионы евреев.

В нашем архиве есть немало документальных подтверждений этого многовекового, к сожалению, правила. Вот, например, донос — типичные, несколько из сотен (скорее, тысяч).

В отчете секретного сотрудника сигуранцы — одессита Игоря Брижиского — от 28 ноября 1941 года приведены семь доносов на евреев и коммунистов. Вот краткое содержание одного из них. Как сообщает школьная учительница Стасенко, директор школы, гражданин Загальский Алексей Иванович, проживающий в доме № 58 по Успенской (вход со двора), укрывает свою жену-еврейку Клавдию Клейман и ее сына от первого брака Вадима, еврея, 18 лет, которого он когда-то усыновил.

Донос от 24 ноября 1941-го, регистрационный № 104. Гражданка Тимофеева доносит, что в доме № 12 по Сретенскому переулку проживают старики-евреи Френкель, а также пожарный Шура Евдокименко с женой-еврейкой Ольгой Штигельман, которая спрятала свой еврейский паспорт в платяном шкафу.

Донос от 27 февраля 1942 года, регистрационный № 166. Две милейшие старушки, сестрички Мария и Клавдия Пеневы, проживавшие в доме № 8 по улице Гоголя, доносят о том, что их давняя приятельница жи-

довка Мириам Флит, проживавшая ранее в доме № 13 по Софиевской, скрывается на Слободке, в доме № 30 по Гоголевской улице, и приводят много другой "полезной" информации, в том числе и о людях, помогающих ей скрываться.

Ксерокопии всех этих, иногда многостраничных, доносов хранятся в нашем архиве и частично приведены в книге "Город Антонеску".

Б. К.

— Помнится, уже опубликованы были две первые ваши книги, когда вы съездили в Одессу, посетили места своего детства в оккупированном городе. Это нужно было для книги, которая сейчас выходит?

В. Т., Я. В.

— Это нужно было для нас, особенно — для нашего сына Саши, который поехал с нами. Мы не думали тогда о книге... Нет, не так. Мы не переставали о ней думать. Внутренняя работа над ней шла непрерывно, эта книга как бы созревала в нас. Разумеется, какую-то подзарядку для нее Одесса тогда нам дала.

В. Т.

— Я вспомнила один эпизод тех дней. Когда мы вошли в одесскую тюрьму, она представляла собой, как нам объяснили, "действующий объект, в котором содержатся особо опасные преступники — грабители и убийцы". Грабителей и убийц, естественно, охраняли особые надсмотрщики — дюжие парни весьма устрашающего вида. Эти надсмотрщики во избежание неприятностей были приставлены и к нам.

Мы вошли в здание тюрьмы, на "круг", и подошли к тому месту под лестницей, где, как я помнила, ребенком пряталась от убийц-окупантов. И, наверное, разволновалась. Стала плакать. Тогда один из надсмотрщиков — огромный белокрысы парня — протянул мне кружку с водой и сказал: "Попей, попей, дочка!" Он так и сказал: "дочка". Хотя вполне мог бы сказать "бабушка".

Услышав это невероятное обращение, я как-то сразу пришла в себя, взглянула на этого человека и именно тогда усекла, как он молод и белокрысы и какие у него добрые синие глаза.

А теперь, вспоминая тот эпизод, я все думаю, какое удивительное существо — человек! Как в одном и том же человеке может ужиться жестокость (не случайно же стал этот парень надсмотрщиком в тюрьме) и доброты (не случайно же он назвал бабушку дочкой)...

Б. К.

— А я вспомнила сейчас генерала Александра Иулиановича Галинского, главного начальника тюремного ведомства Одесской области, который помог вам тогда получить допуск в место заключения девочки Ролли и ее родных. Я познакомилась с генералом, когда он прилетал по делам в Израиль. Впечатлили ордена с изображением наших древних Храмов, Первого и Второго, на его груди. Такие награды, как выяснилось, были учреждены в Украине в честь возрождения там еврейской общины. А вот за что получил их он, Галинский, сын родителей, помогавших в войну партизанам и спасавших евреев, удалось узнать не сразу. Генерал долго отнекивался, а когда, наконец, "расколосился", выяснилось: за то, что заключенные-евреи в подведомственных ему заведениях получают при желании кошерную пищу и возможность не работать в субботу. Так почему он так долго уклонялся от ответа на вопрос о наградах? А потому, ответил генерал, что хвалиться как-то неудобно. Чем тут хвалиться — что ты нормальный человек? Вот вам еще один нетипичный "мент".

Пора, однако, завершать наше интервью. Задам последний, традиционный для меня вопрос. О чем, для вас важном, я не спросила? У вас есть ответ, хотя вопрос не прозвучал?

В. Т., Я. В.

— Мы пишем по-русски, однако наши книги, публикации о них, выходят и на других языках. Так, книга "Сталин. Тайный сценарий начала войны" вышла в Израиле на иврите — под красноречивым названием "Блеф". Перевод сделал известный писатель Эфраим Баух. Книга "Город Антонеску" выходит в издательстве "Фолио" на русском и на украинском. Эта книга далась нам нелегко — нам как будто пришлось вновь побывать в "городе Антонеску", пережить наше детство. Но мы счастливы, что сумели завершить этот труд и сказать правду о черных днях нашего города.

Всю правду и только правду, без политических предпочтений, без оглядки на утверждения историков, без страха перед людским и Божьим судом. Без ненависти и только с любовью. С огромной любовью к нашему родному городу Одессе и к его детям — одесситам, рассеянным сегодня по всему свету.

Владимир ТАЙХ

Двенадцатый

Меня поднимали, переворачивали, крутили, играли мною, как дети куклой, которая их раздражает, потому что порядком надоела. Я слышал их голоса, больше догадывался, чем чувствовал уколь шприцев то в руку, то в ягодичи, не понимая, о ком они говорят и кого колют.

— Квизилетаргическая кома, ишемия головного мозга. Звони, звони, Зиночка. Может, какой-нибудь стационар примет.

— Уже семь отказалось. Восемь. Девять... берут!

— Тогда летим мухой. В Алтуфьево. К профессору Семитко. Хорошая больница.

— И фамилия доктора подходящая.

Сирена мешает думать. Я совсем не плохо себя чувствую, говорю об этом врачам, но вскоре понял: они не слышат меня, я говорю мысленно, без звука, как говорят инопланетяне в фантастических романах — слова идут из мозга в мозг собеседника, минуя стадию звука. Инопланетянин! А ещё я чувствую свою голову не там, на плечах, где обычно она была, а дальше, примерно, в метре от туловища. Оттуда и доходят слова, мысли, видения.

Телевизор почему-то стоит ко мне боковой стенкой. Голос диктора: "Посмотреть на редкое явление — первого инопланетянина на Земле — прибыл сам Генеральный секретарь великий Брежнев".

Пространство начали заполнять широкие туловища в пиджаках, но вот они расступились, на авансцену вступил квадратный вождь. Слева на груди — четыре золотые звезды. Ассоциация с коньяком. Вот сейчас бы... Вокруг вождя мельтешит некто с острой мордочкой. Суходрев, личный переводчик. То в одно ухо шепнёт, то во второе, то в затылок. Ильич же ничего не понимает. Сказать ему... но, боже, забыл, совершенно, позорно забыл имя вождя. Отчество помню, имя... хоть убей. Молчу.

А Ильич потерял ко мне всякий интерес, повернулся к Суходреву — нос к носу, беседуют. Слышу:

— Ему переводить не надо, эти гады все по-русски где-то выучились.

— А почему у него метровая шея?

— Учёные считают: марсианская конструкция.

Вот Суходрев стал ему долго что-то втолковывать, ритмично маша руками, будто репетируя с ним речь. Вождь в такт кивал подбородком.

Наконец, он жестом остановил переводчика и повернулся ко мне фасадом. Направил палец на меня, но глаза скоисил к Суходреву:

— Товарищ — марсианин?

Боже! Знакомые до слёз интонации брежневского голоса и говора. Десятки поклонников от Хазанова до Галкина пытались повторить нотки этого голоса-шедевра. Что-то получалось. Но подражатели в любой области никогда не добивались высот оригинала.

А в это время моя какая-то периферийная часть мозга мучительно пыталась вспомнить имя. Его имя. Решил перебирать, начиная с буквы "а".

— Александр Ильич, Андрей Ильич, Арнольд... нет, не то.

— Борис Ильич, Бенедикт... нет

— Василий, Виктор, Васисуалий...

Я уже подходил к букве "л", когда услышал:

— Леонид Ильич, задайте вопрос гуманно!

Вождь поднял подбородок, расправил плечи. И сказал. Как сказал!

— Вопрос. Есть ли жизнь на Марсе?

Аплодисменты.

Моего ответа он, естественно, не услышал. Суходрев на ушко:

— Так он же живой. Это косвенное свидетельство того, что жизнь на этой планете, скажем так, не исключена.

— Совсем ты, Витёк, зарепортовался. Какая жизнь, какая планета?

Расступились, в образовавшемся коридоре растяла спина вождя.

А я вспомнил случай, впрямую аналогичный сегодняшнему. Леонид Ильич спросил у какого-то высокого американского деятеля, и тоже с подачи Суходрева. Чтобы показать уровень интеллигентности:

— Do you speak English?

И это будто бы сочли за блестящий образец остроумия.

Всегда знал, что это было. А теперь вдруг усомнился. Не анекдот ли это?

Вдруг всё как-то резко изменилось. Я понял: смолкли сирены, меня вынули и повезли. Вот и реанимация, койки на колёсах. Хитрые рычаги и рукоятки. Между коек снуют ангелы — девушки, тонкие, как стебельки, и с милыми личиками.

— Ничего удивительного, — решил я. — Каковы девушки в городе, таковы и в лечебных заведениях.

Поставили капельницу, на тумбочку какой-то телефон со слабо светящимися в темноте цифрами.

— Миленский, если что, нажми на любую клавишу или на все сразу. А чтобы не вставать в туалет, вот тебе... две штуки, ставлю на табуретку.

И ушла. Прелестное видение. А сосед слева уже напевал: "Летят утки, летят утки..."

"И два гуся", — беззвучно подпевал я.

В реаниматорской темно. Я проваливаюсь куда-то, возвращаюсь непонятно куда, перед глазами — слабо светящиеся цифры на клавишах.

1 2 3

4 5 6

7 8 9

День от ночи отличается лишь более интенсивным полётом белых ангелов. Ловлю обрывки их фраз, иногда любопытные:

— Вы не в гадюшнике, вы в КГБ. (Ничего себе!)

Один раз конкретнее:

— У нас, в КГБ № 81, порядки устанавливает руководство. (Вот те раз!)

Старческий голос, почти сварливый:

— Третья хорошая "кардиограмма", значит, выбрался. Бог троицу любит.

Троица, три! Число, которое в сознании живущих со мною в одной стране считается счастливым. Три и кратные ему. Два по три, три по три, двадцать три по три... Может, и моё спасение в этой цифре. Но как? Как получить сигнал Оттуда? Сигнал, пусть не обещающий, но хоть дарящий надежду. Надежду на возвращение в обычную, будничную, для многих скучную, клытую, но такую притягательную, сладкую жизнь.

Я утомился, уйду Туда, возвращаюсь. Всё так же перед глазами тускло светящаяся клавиатура.

1 2 3

4 5 6

7 8 9

Господи, но это же цифры! Вдруг в них послание тебе, дураку? Вот первая строка — число 123. Кратно ли оно трём? Цифры должны крутиться в моей голове впереди лежащей голове. И результат! Да! Да! Да! 123 = 41 x 3. Какое облегчение, блаженство. Засыпаю.

Пробуждение фиксирую лишь появлением мерцающей клавиатуры. Надо идти дальше. Вторая строка — число 456. Это потруднее. Эх, был бы калькулятор. Но надо взять и эту вершину. Цифры в голове прыгают, как в старом арифмометре, иногда пропадают. Приходится начинать заново. И вновь победа! 456 = 152 x 3. Yes! Мысленно сжимаю кулак, и... вот оно — показалось, что моя бедная голова лежит уже чуть ближе.

Который день я здесь? Красавица, умопомрачительно изогнувшись, подлила что-то разноцветное из трёх пузырьков в мою капельницу. А я мужественно приступил к третьей горизонтальной строке. 789! Цифры, как бешеные, выпрыгивают из моих глаз и запрыгивают назад, рана и без того саднящую роговичу. Эту победу я воспринял спокойнее. Каково! 789 = 263 x 3. Все три горизонтальных числа кратны трём — три вести мне, дарящие Надежду! И я пошёл дальше. Взглянул горизонтальные числа справа налево 321 = 107 x 3, 654 = 218 x 3, 987 = 329 x 3.

Это уже пахло научным открытием. И я решился. Решился на штурм этого математического Монблана! Взглянул за вертикальные колонки цифр. Голову стал ощущать почти в нужном месте. Если бы мог двигать руками или головой, потрогал бы её.

Неделю я потратил на это исследование. Чувствую, что если я ещё не сравнялся с Перельманом, то где-то мы уже рядом. Он на "П", а я на "Т". Как вы уже догадались, все три вертикальных числа, читаемые сверху вниз, как и снизу вверх, оказались кратны трём. Факт научный! Открытие!

Я блаженствовал! Но скоро понял, что настоящий учёный не может долго почитать на лаврах, надо двигаться и двигаться по ведущей к небу лестнице. И я взял цифры по диагонали. 357, и 159, и 753, и 951. Победа! Это была цепь триумфов. Меня преследовало везение. Трёхзначные числа-птички 153 и 351, 957 и 759 — все не вышли за рамки концепции.

Осталось последнее. Почему-то я уверовал, что в математике целое должно аккумулялировать свойство всех его частей. Это было форменным сумасшествием, но отступать было некуда. Это уже было не ради своей частной жизни, а для вечности, для Науки! И хо-

тя это было сверх моих сил, я готов был к подвигу и свершил его.

Я поставил перед моим взором девятизначное число 123456789 и неделю в уме, в остатках ума, делил его на три. И победил, вот результат: 41152263. И апофеоз: второе девятизначное тоже сдалось — 987654321 : 3 = 329218107. В правильной теории не может быть исключений! Держись, Гриша!

Мой ангелок в прелестной позе подливал мне жижи в капельницу, запах её духов ошеломил. Я смотрел на неё и улыбался во весь рот. Она взглянула на меня, но вместо ответной улыбки побледнела и изобразила смертельный испуг. Будто увидела чёрта, гуляющего по преисподней.

— Доктор, доктор, — закричала она. — Нина Кузьминична, позвоните доктору, больной очнулся.

Вокруг меня собрался весь персонал реаниматорской.

— Ну что, оклемался, касатик? — тот самый сварливый голос, теперь добрый и ласковый. — Доктор велел везти тебя к нему в отделение. Это на четвёртый этаж. Э! Да ты и говорить стал? Так вот, всего этажей семь.

Из лифта покатали в палату. Кроме меня, ещё двое. Поздоровались, я назвался. Оказалось, все трое Владимирсы. Ещё одно знамение. Троица. Профессор не вошёл, влетел. Молодой человек с курчатовской бородкой.

— Господи, так вот ты какой, мой двенадцатый с таким диагнозом. А как лечить человека в коме, когда он без сознания, без чувств, без еды и питья? А ты-то небось как изумился, неожиданно открыв глаза? Вдруг оказалось: ты в больнице. Как попал?

— Да нет, профессор, я всё время был в сознании, все понимал, только не мог ни говорить, ни шевелиться. И всё видел и слышал.

— Потрясающе! Это для меня открытие огромной важности. Думаю, что это сообщение поможет выработать методику лечения твоей хвори, что пока ещё не имеет названия. Тебя питали через капельницу, переходил на нормальный способ питания. Завтра я соберу тройку (!) специалистов, будем беседовать, запишем твой рассказ. Это встряхнёт московскую, да и российскую медицину. В первый раз такое, и у нас, в 81-й!

— В КГБ 81-й?

— В каком КГБ? А... нуда! В клинической городской больнице № 81. Ниночка, Джамия, на вас надежда. Вы должны быстро и грамотно адаптировать его к обычному способу питания.

Через три дня в кабинете профессора меня встречали кроме него две дамы и пожилой профессор из первой медакадемии. Дама-невролог была юна и ослепительно красива.

— Эх, милый, вы ничегошеньки не поняли. Вы первый, оставшийся в живых, и вышли из той квазилетаргической комы только благодаря той нечеловеческой работе мозга, создавшей напряжение такой силы, что все элементы продуктов отравления были вытеснены из коры полушарий и гипофиза. Ваше сообщение о том, что больной всё слышит и понимает, бесценно.

Вывод: параллельно с медикаментозным необходимо опробовать методы внушения, сильного внушения, гипноза. Нужно спровоцировать больного на работу мозга, близкую к панике. Устроить аврал, всеобщий аврал, чтоб все клетки работали через силу. Почти на разрыв. Потом уже искать способы купировать состояние сверхвозбуждения.

Вам, девочки, с лхвхой на две диссертации. Ну а ваши дела как, больной?

— Начал есть с удовольствием больничные щи и тушёную капусту.

— Идите, отдыхайте. Нам ещё думать, много и долго думать.

Через неделю попросил его выписать меня. Устал от анализов крови и энцефаллограмм.

— Нет, дорогой. Мы ещё не готовы расстаться с тобой. Потерпи.

Дня через три я шёл за ним по коридорам отделения. Задать вопрос ему не было возможности. Только я открываю рот, звонит его телефон. Отвечает он кратко, но телефон звонит снова и снова. Уже на пороге его кабинета. Звонюк.

— Да, Семитко, Сергей Петрович. Нет, не Пётр Сергеевич, наоборот. Тогда бы...

— Тогда бы вы были Антисемитко.

Выпалил я и смотрел на него с открытой, почти наглой улыбкой. Он выключил телефон и пристально уставился мне глаза в глаза, будто выживая признаки издёвки. Я улыбался почти лучезарно.

— Вы правы, друг, хамство — первый признак выздоровления. Звоните родным, завтра я вас выписываю.